

Современная философия: К. Мейясу и Г. Харман

Критика и переосмысление кантовской вещи в себе у Квентина Мейясу и Грэма Хармана*

Глеб Геннадиевич Коломиец

К. ф. н., магистрант, Европейский университет в Санкт-Петербурге, ardor@list.ru

Аннотация: В статье производится реконструкция и сравнение взглядов Квентина Мейясу и Грэма Хармана на Кантовское понятие вещи в себе. После описания основных характеристик вещи в себе, приведенных в «Критике чистого разума», приводятся интерпретации этого понятия, используемые в спекулятивном материализме Мейясу и объектно-ориентированной онтологии Хармана. В результате сопоставления взглядов трех философов, сделан вывод, о том, что пафос ниспровержения кантианства, часто приписываемый Мейясу и Харману как представителям спекулятивного реализма, на самом деле им не свойственен. Оба философа в целом принимают эпистемологические и онтологические ограничения Канта, развивая и уточняя его положения. Несмотря на то, что Мейясу и Харман ставят перед собой взаимоисключающие задачи — доступ к вещи в себе и продуктивный отказ от него — их философии совпадают в интенции уточнить смысл кантовских запретов и обеспечить возможность расширения философии с их учетом. Таким образом, спекулятивный реализм можно, по крайней мере отчасти, рассматривать не только как революционный разрыв с кантианской традицией, но и как продуктивный диалог с ней.

Ключевые слова: Кантианство, вещь в себе, проблема доступа, антропоцентризм, спекулятивный реализм, спекулятивный материализм, объектно-ориентированная онтология, Кант, Харман, Мейясу.

Criticism and rethinking of the Kantian thing-in-itself in Quentin Meillassoux's and Graham Harman's works

Gleb G. Kolomiets

Graduate, European University at Saint-Petersburg, ardor@list.ru

Abstract: The article reconstructs and compares the views of Quentin Meillassoux and Graham Harman on Kant's concept of a thing-in-itself. After describing the main characteristics of the thing-in-itself given in the Critique of Pure Reason, the interpretations of this concept used in Meillassoux's speculative materialism and Harman's object-oriented ontology are given. As a result of comparing the views of the three philosophers, it was concluded that the pathos of the overthrow of Kantianism, often attributed to Meillassoux and Harman as representatives of speculative realism, is in fact not characteristic of them. Both philosophers generally accept Kant's epistemological and ontological limitations, developing and clarifying his provisions. Despite the fact that Meillassoux and Harman set themselves mutually exclusive goals — access to the thing in itself and the productive rejection of it — their philosophies coincide in the intention to clarify the meaning of Kant's prohibitions and to provide the possibility of expanding philosophy taking them into account. Thus, speculative realism can be seen, at least in part, not only as a revolutionary break with the Kantian tradition, but also as a productive dialogue with it.

* Статья написана на основе эссе, написанного для курса «Современные проблемы философии», прочитанного для 1 курса магистратуры Европейского Университета в Санкт-Петербурге в 2022 году. Выражаю благодарность Оксане Тимофеевой, Артему Серебрякову и своим одногруппникам за обратную связь по тексту.

Keywords: *Kantianism, thing-in-itself, access problem, anthropocentrism, speculative realism, speculative materialism, object-oriented ontology, Kant, Harman, Meillassoux.*

© Г.Г. Коломиец (Санкт-Петербург). ardor@list.ru. Европейский университет в Санкт-Петербурге. Южный Полюс 9 (1) (2023) DOI: 10.18522/2415-8682-2023-9-19-24

Введение.

Кантовская критическая философия приобретает актуальность в связи с вопросом о конечности человека и ограничениях его познавательных способностей. В результате онтологического поворота возродился интерес к проблеме бытия, независимого от сознания. Спекулятивные реалисты, объектно-ориентированные онтологи, новые материалисты и другие мыслители часто рассматривают кантианство, с одной стороны — как ограничение возможностей философского поиска, с другой — как одно из высших проявлений антропоцентризма, в рамках которого всякое сущее существует и мыслится только по отношению к человеку. С этими проблемами связан интерес к кантовскому понятию вещи в себе (ноумена)¹. Задача этой статьи — показать, как интерпретируют вещь в себе Квентин Мейясу и Грэм Харман, наиболее известные фигуры в рамках движения спекулятивных реалистов, и сделать выводы о значимости этого понятия для их философских проектов.

Для этого я приведу некоторые релевантные характеристики вещи в себе, встречающиеся в работах Канта, а затем опишу как Мейясу и Харман критикуют это понятие и как задействуют его в своих философиях.

Ноумен Канта как постановка проблемы доступа.

Понятие ноумена в кантовской философии вводится в связи с вопросом о возможности исключительно умозрительного познания, интеллектуального созерцания, т.е. интуиции, которая дала бы непосредственный доступ к реальности без опоры на опыт [2, с. 241]. Такое познание Кант считает невозможным.

Критика интеллектуального созерцания вытекает из кантовского понимания познания. Исходя из аналитически-синтетического разделения, предложенного Кантом, познание связывается с производством суждений, высказываний субъектно-предикатной формы: аналитические суждения носят уточняющий характер, раскрывая содержание уже известных понятий, а синтетические отвечают за расширение знания [2, с. 46-47]. Поскольку все суждения, основанные на опыте, носят синтетический характер [2, с. 47], постольку эмпирическое исследование становится основным источником познания.

Анализируя деятельность рассудка как способности суждения, Кант показывает, что применение понятий, и, соответственно, производство суждений было бы невозможным без эмпирического компонента: «Необходимо сделать чувственным всякое абстрактное понятие, т. е. показать соответствующий ему объект в созерцании, так как без этого понятие (как говорится) было бы бессмысленным, т. е. лишенным значения» [2, с. 237]. Иными словами, без созерцания, т.е. опыта, ни одно понятие не может получить дефиницию.

Помимо понятий, связанных с эмпирическими созерцаниями, в рассудке присутствует понятие самой вещи, которая служит источником этих созерцаний — ноумен. Поскольку созерцания, составляющие в совокупности чувственный опыт, отличны от самой вещи, постольку предмет такого понятия находится за пределами возможного опыта [2, с. 241]. Следовательно, такое понятие будет высказываться исключительно в негативных терминах [2, с. 244]: рассудок формирует представление о ноумене, отрицая характеристики, свойственные чувственному опыту. Поскольку такое понятие лишено

¹ В рамках этой статьи понятия «ноумен» и «вещь в себе» трактуются как синонимы. По вопросу distinctions этих понятий см. [1].

положительного содержания, Кант приписывает ноумену не познавательную, а ограничительную функцию [2, с. 244].

Таким образом, кантовскую вещь в себе можно охарактеризовать как чистую границу, негативный предел возможностей применения способности суждения. Постулируя необходимую связь рассудка и чувственности (созерцания и понятия) для познания [2, с. 246], Кант не только формулирует представление о конечности человека в гносеологических терминах, но и передает познавательные функции метафизики наукам о природе. Эти ограничения приобретают актуальность в современной философии в связи с вопросами устранения антропоцентризма и онтологическим поворотом, который потребовал переосмысления представлений о «вещах самих по себе».

Вещь в себе как элемент слабого корреляционизма у Квентина Мейясу.

К. Мейясу называет свой философский проект спекулятивным материализмом [3] — в его задачи входит обоснование возможности доступа сознания к независимому от него бытию и адекватному воспроизводству его в сознании. Вопрос о возможности доступа к реальности самой по себе, по мнению Мейясу, был вынесен за пределы философской дискуссии после Канта. Доминирующей онтологической и эпистемологической установкой с тех пор стал корреляционизм, который «состоит в дисквалификации любых попыток рассмотрения сфер субъективного и объективного независимо друг от друга. Необходимо становится не только утверждать, что мы никогда не постигнем объект “в себе”, изолированный от своего отношения к субъекту, но также признать, что мы никогда не постигнем субъект, который не был бы всегда-уже соотнесен с объектом» [4, с. 11-12]. Соответственно, Мейясу ставит перед собой задачу преодоления корреляционизма [4, с. 71].

Мейясу выделяет две модели корреляционизма: слабую и сильную. Первая сохраняет представление о бытии, не находящемся в корреляции с сознанием, но объявляет его непознаваемым и недоступным для человека, вторая вовсе исключает вопрос о «Великом внешнем» из рассмотрения, считая его плохо сформулированным. Поскольку Мейясу отождествляет слабую модель с критической философией Канта в целом и с понятием вещи в себе в частности, я сконцентрируюсь именно на этой модели.

В докладе «Время без становления» Мейясу перечисляет четыре свойства вещи в себе, согласно Канту, доступные *чистому* разуму: «1) вещи в себе действительно существуют вне сознания (есть не только феномены); 2) они аффицируют нашу чувственность и производят в нас представления (вот почему наша чувственность пассивна, конечна и не спонтанна); 3) они не содержат в себе противоречия – принцип запрета противоречия абсолютен, а не зависит от сознания; и, наконец, 4) вещь в себе не имеет пространственно-временных характеристик, так как пространство и время суть формы чувственности, а не свойства вещей в себе: другими словами, нам неизвестно, каково это в себе, но мы точно знаем, каким оно быть не может» [3]. Таким образом, Мейясу обнаруживает у кантовской вещи в себе не только негативные, но и позитивные характеристики (существование, способность аффицировать чувственность). Кроме того, как я покажу далее, Мейясу утверждает, что основная характеристика бытия, находящегося за пределами корреляции — непротиворечивость [4, с. 96].

Результат, к которому приходит Мейясу в ходе критики корреляционистских аргументов, сводится к утверждению необходимости контингентности («абсолютной необходимости не-необходимости любой вещи» [4, с. 88]) и независимости ее от сознания. Все сущее, по словам Мейясу, может стать каким угодно другим без всякого на то основания [4, с. 74]. Однако, противоречивое сущее не может измениться, поскольку уже обладает двумя взаимоисключающими свойствами: невозможен никакой переход, никакое становление по отношению к этим свойствам. Следовательно, противоречивое сущее не удовлетворяет условию необходимости контингентности, такое сущее невозможно [4, с. 99-

101]. Это свойство Мейясу намеревается связать с математикой и в дальнейших работах показать, что математика и основанные на математике науки дают адекватное описание бытия вне корреляции [4, с. 192-194].

Исходя из этого изложения, можно сделать выводы о переосмыслении понятия вещи в себе в рамках спекулятивного материализма. Мейясу пользуется ноуменом как для постановки проблемы корреляционизма, так и для ее решения — само кантовское ограничение обнаруживает концептуальный ресурс для своего снятия. Вещь в себе, понятая в исключительно негативных терминах, становится основанием модели слабого корреляционизма, из которой, по мнению Мейясу, развился сильный корреляционизм, доминировавший в философии на протяжении XX века. Однако, свойство непротиворечивости, которое Кант понимает как исключительно негативное, Мейясу считает важной характеристикой бытия, независимого от сознания, которая, в конечном счете, подводит онтологические основания под науку, обеспечивая ее познавательные процедуры философской легитимацией.

Объектно-ориентированная онтология Грэма Хармана о вещи в себе.

Проект объектно-ориентированной онтологии (далее — ОО) направлен на возвращение в философию понятия объекта и отождествление существования с объектным статусом. Любая феноменальная данность по Харману представляет собой объект, относительно стабильное и неизменное бытие, которое может приобретать и терять нестабильные, изменчивые качества [5, с. 16-17, 29].

Харман характеризует ОО как своего рода расширение кантианства: ОО принимает существование недоступных для сознания вещей по ту сторону наличной данности, но такое положение дел приписывается не только людям, но и любым другим объектам [6, с. 15-16; 7, с. 192-193]. Следовательно, у Хармана можно обнаружить аналог кантовской вещи в себе.

Для этого я вкратце воспроизведу общую схему ОО. В ее основе лежит два категориальных разделения: 1) между объектом и качеством; 2) между чувственным и реальным. Отношение между объектами и качествами аналогично отношениям сущности и приводящих свойств у Аристотеля: устойчивая сущность принимает сменяющиеся свойства. Разделение между чувственным и реальным — это граница между данностью, открытостью для доступа и не-данностью, невозможностью доступа [5, с. 41-43].

Комбинируя полученные таким образом элементы, Харман получает «четверицу», базовую схему своей онтологии: чувственный объект, чувственные качества, реальный объект, реальные качества [5, с. 56-58]. Поскольку кантовская вещь в себе характеризуется как возможный, но недоступный, предмет, ее аналогом в ОО следует считать реальный объект.

Описывая концепцию реального объекта, Харман отмечает, что «первооткрывателем» этого рода сущего следует считать Хайдеггера, а не Канта [5, с. 45]. Однако, Кант и его вещь в себе остаются здесь, по меньшей мере, негативным ориентиром. Так, ноумену посвящено следующее критическое замечание Хармана: «Роль этих вещей [в себе] у Канта сводится лишь к тому, чтобы преследовать человеческую психику в виде призрака ее конечности. ...Кант ни разу не уделяет достаточного внимания отношениям между вещами в себе. Для него на кону всегда отношение между человеческим субъектом с одной стороны и миром с другой» [5, с. 54]. Здесь Харман критикует кантовскую концепцию как недостаточно радикальную и намечает два возможных направления ее радикализации: 1) рассмотрение вещей в себе не только из перспективы человеческого сознания; 2) постановка вопроса об отношениях между вещами в себе.

Именно эти темы раскрываются в хармановской концепции реального объекта. Его ОО характеризует как устойчивую сущность, «изъятую» из отношений любого рода — не только из отношений с человеческим сознанием, но и из отношений друг с другом. Харман

утверждает, что применительно к реальным объектам работает принцип, сходный с феноменально-ноуменальным разделением Канта: любые репрезентации и производные реальных объектов, любые приписываемые им качества и свойства по необходимости отличаются от них [5, с. 53-54]. Исходя из этого, я считаю, что реальному объекту можно приписать не только хайдеггерианское, но и кантовское происхождение.

Таким образом, реальный объект Хармана можно охарактеризовать как радикально-реалистическое прочтение кантовской вещи в себе. Несмотря на эксплицитную критику Канта, создатель ООО имплицитно принимает ограничения, заданные концепцией ноумена, однако, Харман находит способ по-новому описать пространство, замкнутое ими. При этом, философия Хармана остается верна одному из ключевых принципов критической философии — в ООО реальные объекты остаются непознаваемыми и недоступными. Воспроизводя феноменально-ноуменальное разделение как расщепление между любыми реальными объектами и отношениями, связями, репрезентациями, Харман выводит вещь в себе из-под удара критики антропоцентризма и корреляционизма. ООО, подобно спекулятивному материализму, обнаруживает в понятии ноумена незадействованный ресурс, но, в отличие от Мейясу, Харман использует его не для того, чтобы выйти за пределы ограничений Канта, а для того, чтобы переустановить их, не нарушив связанных с ними эпистемологических принципов.

Заключение.

Проведенная реконструкция показывает, что Мейясу и Харман не занимают строго критическую позицию по отношению к Канту. Оба мыслителя принимают ограничения, введенные Кантом. Их критика вещи в себе лишь показывает, что эти ограничения не так строги, как казалось ранее, с ними можно работать. Метафорически выражаясь, граница, которую очерчивает понятие ноумена, представляет собой не прямую линию, а сложную топологию, в которой все еще возможна философская навигация и наращивание смыслов.

Несмотря на то, что Мейясу и Харман демонстрируют противоположные интенции — на выход к вещам самим по себе и на их затемнение соответственно — их объединяет стремление сохранить силу большей части аргументации Канта и задействовать ее в своих философских проектах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ойзерман Т. И. Многозначность понятия вещи в себе в философии Канта // Кантовский сборник: Межвузовский тематический сборник научных трудов. 2002. № 1 (23). С. 17-47.
2. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 3. М. 1994. 740 с.
3. Мейясу К. Время без становления. [Электронный ресурс]. URL: <http://gefter.ru/archive/7657> (дата обращения: 12.12.2022).
4. Мейясу К. После конечности: эссе о необходимости контингентности. Екатеринбург. 2015. 193 с.
5. Харман Г. Четвероякий объект: метафизика вещей после Хайдеггера. Пермь. 2015. 147 с.
6. Харман Г. Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего». М. 2021. 270 с.
7. Харман Г. Спекулятивный реализм: введение. М. 2020. 288 с.

REFERENCES

1. Ojzerman T. I. Mnogoznachnost' ponyatiya veshchi v sebe v filosofii Kanta [The ambiguity of the concept of a thing in itself in Kant's philosophy] // Kantovskij sbornik: Mezhvuzovskij tematicheskij sbornik nauchnyh trudov [Kant collection: The interuniversity thematic collection of scientific papers]. 2002. № 1 (23). P. 17-47. (in Russian)

2. Kant I. Kritika chistogo razuma [The Critique of Pure Reason] // Kant I. Sobranie sochinenij: v 8 t [Kant I. Selected works in 8 vol.]. V. 3. Moscow. 1994. 740 p. (in Russian)
3. Mejyasu K. Vremya bez stanovleniya. [Temps sans devenir]. [Electronic resource]. URL: <http://gefter.ru/archive/7657> (accessed: 12.12.2022). (in Russian)
4. Mejyasu K. Posle konechnosti: esse o neobhodimosti kontingentnosti. [Apres La Finitude. Essai Sur La Necessite De La Contingence]. Ekaterinburg. 2015. 193 p. (in Russian)
5. Harman G. CHetveroyakij ob"ekt: metafizika veshchej posle Hajdeggera. [The Quadruple Object]. Perm'. 2015. 147 p. (in Russian)
6. Harman G. Ob"ektno-orientirovannaya ontologiya: novaya «teoriya vsego». [Object-Oriented Ontology: A New Theory of Everything]. Moscow. 2021. 270 p. (in Russian)
7. Harman G. Spekulyativnyj realizm: vvedenie. [Speculative Realism: An Introduction]. Moscow. 2020. 288 p. (in Russian)